

Статья написана на основе полевых исследований 2018–2019 годов. Авторы пытались найти рецепции еврейской культуры внутри экспериментального пространства советской эпохи, но, убедившись в «интернациональном» характере застройки поселений Еврейской автономной области, сконцентрировались на описании народной архитектуры (индивидуальное малоэтажное строительство, кастомизируемые объекты государственного размещения в виде барачков и пр.). Попытка осмысления специфики развития искусственно проектируемой территории поселений с национальным еврейским колоритом в рамках советской индустриальной колонизации дальневосточного направления кажется нам важным ключом к пониманию региональной идентичности и сохранению культурного наследия.

Ключевые слова: народная архитектура; дальневосточные бараки; деревянная архитектура; фронт; Дальний Восток; колонизация; культурное наследие. /

The article is based on the field studies carried out in 2018–2019. The authors tried to find assimilation of Jewish culture inside the experimental space of the Soviet period. However, after coming to the conclusion that the development of the settlements of the Jewish autonomous region had 'international' features, they turned their focus on the description of vernacular architecture (individual low-storey housing, customized governmental accommodation facilities in the form of barracks, etc.). The attempt to comprehend the specific features of the development of the artificially designed territory of the settlements with national Jewish colour in the context of Soviet industrial colonization of the Far East is an important key to understanding the regional identity and preservation of cultural heritage.

Keywords: vernacular architecture; Far Eastern barracks; wooden architecture; frontier; Far East; colonization; cultural heritage.

Архитектурный ландшафт Еврейской автономной области / Architectural landscape in the Jewish autonomous region

текст

Алина Иванова
Андрей Ковалевский /
text
Alina Ivanova
Andrey Kovalevsky

Архитектурно-пространственное оформление восточной колонизации можно рассматривать как параллельное развитие большого – имперского – нарратива и множества малых национальных историй. С этой точки зрения самым интригующим дальневосточным локусом является Еврейская автономная область (ЕАО) – удивительный советский эксперимент создания этнической республики и первая – в Новое время – попытка организации еврейского национального государства [1].

Исследуя города и поселки ЕАО, мы пытались найти указания на национальные архитектурно-градостроительные традиции, полагая, что если в довоенном Биробиджане выпускались газеты и ставились театральные постановки на идише, а с 1947 года открылся религиозный центр, то и в архитектурном ландшафте области должны были остаться следы перемещенной культуры. Наиболее очевидными знаками этой культуры являются здания дальневосточных синагог, однако мы пытались выявить некие, более глубинные, «народные» паттерны. Сразу скажем, с паттернами не задалось, но собранный в экспедициях 2018–2019 годов материал представляет определенный интерес в контексте разговора о формировании региональных школ.

Организация Еврейской автономной области подробно освещалась в советской прессе. В новые поселки отпра-

влялись журналистские десанты; газетные статьи 1930-х годов служат сегодня источником, пусть субъективной и тенденциозной, но исключительно интересной информации о быте первых переселенцев. Помимо довоенной публицистики, при работе над статьей использовались художественные произведения и мемориальные очерки, посвященные первому этапу становления ЕАО. Научный интерес к истории региона появился в середине 2000-х годов, прежде всего следует упомянуть работы Л. Е. Бляхера [2, 3], которые послужили теоретической опорой нашего исследования.

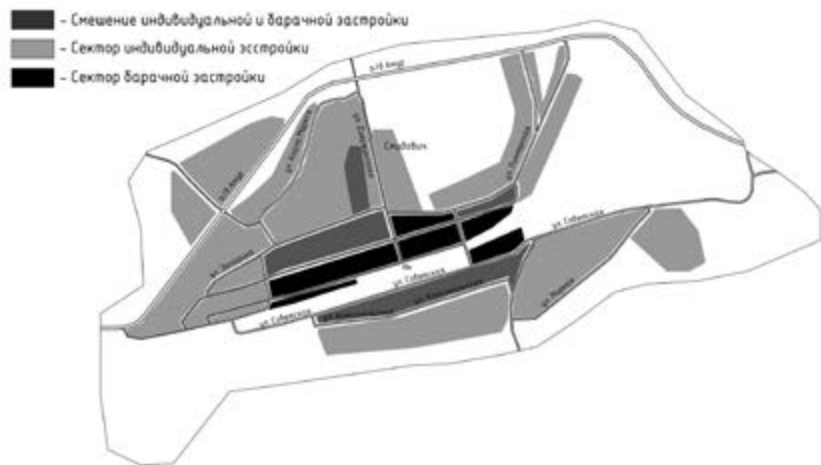
Строительство поселений в ЕАО начиналось не с нуля. Советские города разрастались на базе деревень, заложенных переселенцами первой волны, поэтому именно здесь можно наблюдать развитие двух оппозиционных по отношению к друг другу традиций – народной и государственной, усадебной и «строчной». Народ строил и строит избы (расположенные на собственном участке квадратные в плане индивидуальные жилища под двух, реже – четырехскатными крышами), государство возводило бараки – рубленые или каркасные многоквартирные жилые дома, поставленные по методике, разработанной еще Вальтером Гропиусом.

Рассказ об архитектурно-пространственном развитии населенных пунктов ЕАО начнем с небольшого поселка городского типа Смидович, расположенного в восточной части региона. История создания этого пункта относится к эпохе Транссиба.

Поселок, носивший ранее название Ин (по территориальной близости к долине реки Большой Ин), сформировался как опорный пункт при строительстве железной дороги. В 1913 году это была лишь небольшая станция с несколькими десятками деревянных домов-казарм, где проживали рабочие деповцы и машинисты. Помимо жилых домов, там располагалось паровозное депо, церковь и несколько литейных. Благоустройства не подразумевалось никакого, внешний вид поселения был абсолютно таким же, как и у любого другого рабочего поселка того времени. По воспоминаниям первых жителей, «было холодно, кругом леса и снег... Жили кто где в округе, работали в основном, утром на железку, вечером от ветра по домам» [3].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00537 / The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-00537

в Рис. 1. Планировочная схема пгт Смидович

В 1915 году в связи с работой железной дороги началось строительство большого депо вместо старого (сараяподобного). В дальнейшем, при заселении территории во времена первых пятилеток, начинают формировать два типа жилых объемов – государственные бараки как средство дешевого и массового расселения и индивидуальные избы в отдалении от железнодорожных путей. Территория превращается в крупный рабочий поселок, возводятся средняя школа и больница, сохранившие свой первоначальный архитектурный облик и по сей день.

В 1934 году поселок переименовывают в Смидович в честь революционера и деятеля переселенческой политики П. Г. Смидовича. Поселение становится центром Смидовичского района, тут сосредоточиваются основные службы, обрабатывающие и сельскохозяйственные предприятия, центры торговли и пр.

К 1959 году население достигает своего пика – около 9 тыс. чел., продолжается активное строительство личных жилых домов. Наблюдая архитектуру поселка этого периода сквозь покосившиеся деревянные заборы, можно заметить оформленные причелины и подзоры торцов, обращенных к внешней стороне улицы. Кое-где встречаются резные обветшавшие наличники. Архитектурные объемы, предназначенные для массового расселения, в основном представляют собой двух- и трехэтажные кирпичные типовые здания, без излишков в оформлении и благоустройстве.

Артефакты народной архитектуры отражают образ жизни. Около каждой избы располагается небольшой огородный участок, предполагающий занятия земледелием после рабочего времени. Однако такой уклад, видимо, не свойственен жителям поселка, поэтому за последние 60 лет население сократилось более чем в два раза.

Современный этап развития поселения предполагает заполнение территории возведенными на месте старых современными трехэтажными бараками, обшитыми сайдингом. Многие жители, имеющие средства, включаясь в местную тенденцию, обещивают свои личные семейные постройки современными дешевыми материалами, постепенно уничтожая исторические фасады деревянных усадеб. Изучение в этом месте народной архитектуры особенно важно, ведь именно сейчас мы наблюдаем этап смены эпохи и можем запечатлеть уходящие особенности региональной идентичности.

Современники рассказывают о поселке: «Помню времена, когда окраины поселка, улицы затапливало водой. Рыбу ловили прямо на границе поселка в каналах. Потом все стало по-другому... Комары только остались в традиционных больших количествах. Может быть, мне кажется, но вроде бы их количество снизилось...» [3]. С точки зрения планировки территории поселения четко сегрегированы районы размещения жителей. По обе стороны от железнодорожных путей располагается барачная застройка (старая и новая) – как наследие рабочего класса эпохи Советов. Направляясь в глубину поселка, мы встречаем традиционную для дальневосточной деревни поучастковую структуру размещения примеров народной архитектуры (рис. 1).

Город Облучье (до 1915 года – пос. Сололи, по названию местного гидронима, на языке гольдов/ нанайцев означает «вверх по течению») основан в 1911 году неподалеку от стойбища гольдов и стоянки старателей на участке вечной мерзлоты, после вырубке лесов раставшей и превратившейся в непролазные болота. Новое название поселка, по широко распространенной легенде, отсылает к облучку коляски и связано с петлей, которую делает железнодорожное полотно, повторяющее изгиб реки Хинган. Поселок возник и развивался как опорный пункт для строительства двухсотметрового Облученского тоннеля и начальный этап крайне сложного участка

Транссиба (Амурской железной дороги) – 350 км до Хабаровска по сплошным трясинам. Требовались огромные объемы земляных работ для возведения насыпей под путями, множество рабочих рук для строительства тоннелей, мостов и водотоков, поэтому в поселке были сконцентрированы пролетарии низкой квалификации (советские журналисты 30-х годов прямо называли их «каторжниками» [4]), которые и стали базовым контингентом Облучья. Элитой поселка были инженеры-путейцы – выпускники Петербургского технологического университета, называвшие первую улицу Невским проспектом [5]. По воспоминаниям участника первого добравшегося из пос. Пашково отряда, сначала спали на телегах, в шалашах и палатках, а работали в ужасающих условиях. Но построенная инфраструктура связала золотоносные распадки отрогов Хинганского хребта и благодатные плодородные долины «Амурской прерии». В 1912–1914 годах на этом участке Амурской железной дороги были основаны станции Лагар-Аул, Кимкан, Торокилан (Известковая), Бира, Тихонькая, Икура, Ин, Ольгохта, Волочаевка, Покровка. Архитектуру перечисленных железнодорожных станций можно рассматривать как единый ансамбль. Облучье стало узловой станцией с оборотным паровозным депо, рассчитанным на шесть паровозов. Поселок быстро рос, и в его ландшафте все отчетливее проступало деление на территорию модерны с каменными зданиями железнодорожного ведомства и архаичную слободу, застроенную избами.

По открывшемуся Транссибу хлынули переселенцы из Малороссии, потеснившие амурское казачество, контролировавшее местный аграрный сектор. Железнодорожные пролетарии Облучья поддержали большевистский переворот, а амурское казачество ожидаемо стало местной Вандеей, что в очередной раз напоминает о главном сюжете нашего исследования – оппозиции модерн – архаика, город – деревня, оседлые аграрии – кочевники.

С 1928 года Облучье, в связи с притоком еврейских переселенцев, уже поселок городского типа, в 1936-м туда прибывает новое пополнение – молодые выходцы из местечек, окончившие на Украине железнодорожные техникумы, для них специально строят двухэтажные дома, которые ближе всех стоят к вершине растянувшейся в длину сопки». С 1938 года Облучье – город, второй по значению в ЕАО. Основным источником информации об этом периоде является переведенная в 2019 году с идиша и опубликованная частями в газете «Биробиджанер Штерн» статья, написанная в 1938 году Шульманом и Койфманом – выпускниками еврейского отделения Харьковского газетного техникума, приехавшими по распределению поднимать советскую прессу молодой Еврейской автономии.

Железная дорога разрезает город пополам, «справа, в неглубокой ложине, в беспорядке теснятся избы, дворы и огороды мордовского поселка (поселок назван «мордовским» в честь единственного мордвина Облучья, оставшегося здесь после каторги и построившего первый каменный домик). Дальше впереди – картина иная: там, по виду, не так давно построенные дома образуют улицы сравнительно ровные и прямые. Вокруг домов – полоски и квадратики огородов за низкими изгородями, подрастающие кусты сливы и вишни... Верхний этаж города, если выразиться с претензией на некую образность описания, занимают 65 двухэтажек, всего каких-нибудь два года назад возведенных на относительно пологих склонах сопки. Новые дома здесь выстроены широкими и прямыми улицами, которые и образуют сейчас центральную часть Облучья» [4]. В небольшой зарисовке отчетливо прослеживается оппозиция старого, мордовского крестьянского быта, ожидаемо символизируемого избой с огородиком, и молодого, советского, коллективного жизнеустрой-

декорирования – деревянную резьбу, железнодорожные бараки выпадают из поля русского стиля, имея «северо-европейский» характер.

Все «гражданские» бараки обязательно обшивались тесом. Открытый сруб был признаком лагерного барака или временного типа жилья, подразумевающего обязательность модернизации. Декор последовательно упрощался в течение всего рассматриваемого периода, но имела значительная социальная дифференциация бараков, которая маркировалась наличием и качеством резьбы. Ставней, судя по фотографиям и сохранившимся примерам, не предполагалось.

Дальневосточные бараки на этапе советской колонизации также можно классифицировать двумя формами. Первую мы условно называем ранними экспериментальными советскими домами, из которых возводились рабочие поселки (например, Биробиджан, Комсомольск-на-Амуре). В физическом пространстве современных городов также утрачены. Основные особенности этой формы были навеяны влиянием конструктивизма. Малозатражные объемы с оригинальной конструкцией крыш, декор аскетичен и геометризован. В оформлении фасадов часто использовались балконы, галерейного типа и наружные лестницы. Вторая форма рассматриваемого этапа распространена повсеместно и, наряду с железнодорожными бараками, составляет основу дальневосточного культурного ландшафта. В данном случае мы подразумеваем типовые многоквартирные дома (два-три этажа) постройки 1930–1950 годов. Их оформление легко считывается на улицах поселений. Варианты входных групп – на торцах, на главном фасаде, со двора. Входные группы сначала выделялись ризалитами с фронтонами, но постепенно редуцировались до козырьков. Окна большие квадратные или прямоугольные с частым переплетом. Декор всегда опционален.

Советский барак не частный сектор, но гибридная (переходная) форма от деревенского к городскому образу жизни. Не обеспечивая комфорта, подразумеваемого городским, более высоким цивилизационным статусом, и лишая своих обитателей преимуществ усадебной жизни, барачная застройка уже столетие воспроизводит тип легко опознаваемой слободы. Дворы, примыкающие к баракам, расставлены строчным типом, изначально не огорожены (вероятно, генпланами предполагались сквозное проветривание и инсоляция по методике Вальтера Гроппиуса). Однако жители бараков огораживают кто чем, вплоть до панцирных сеток и спинок железных кроватей 50-х годов, самозахватываемые участки прилегающей территории и разводят не предусмотренные проектом огороды, высаживают плодовые кустарники и иногда деревья. Если рудименты аграрной культуры носят необязательный и спорадический характер, то стихийные системы хранения и хозяйственные постройки (временки, стайки, сараи, загоны и прочий многообразный подсобный вернакуляр, вплоть до голубятен, которые некогда были обязательной приметой посадок, но сегодня практически исчезли из дальневосточного культурного ландшафта, одновременно с исчезновением садов частного сектора) имеются во всех без исключения барачных дворах, обследованных нами в экспедициях.

Бараки интересны именно как феномен сохранения повседневных практик, которые сложно отнести к полю городского или сельского. По нашему мнению, бараки отражают сам характер жизни дальневосточников. Дальний Восток – пространство выморочное, где отсутствует экономика как таковая, мало что осталось от промышленности советской эпохи, а из-за климатических условий на многих территориях проблематично ведение сельского хозяйства. У людей формируется исключительный оборонительный тип мышления. Барак – это, по сути,

гражданская казарма, отражающая некий мобилизационный паттерн. Такой тип мышления характерен именно для жителей бараков. Сегодня кварталы бараков в масштабах России довольно редкое явление, однако их все еще можно встретить на территории Дальнего Востока. Буквально в последние два-три года, в связи с принятием государственных программ, нацеленных на создание комфортной городской среды, начинается их активный демонтаж. Бараки в пространстве современного города, с одной стороны, являются территориальным резервом для дальнейшего расплозания субурбий, а с другой – представляют собой огромный пласт исчезающей архитектуры, выпавший из внимания исследователей.

Сформированные планировочные схемы поселений ЕАО показывают схожие черты в расположении индивидуальной и барачной застройки. Однако мы застали разные периоды состояния городских пространств. Для Биробиджана, например, характерны более динамичные процессы в области демонтажа деревянных бараков. В городе присутствует как индивидуальная выполненная из камня жилая застройка, относящаяся к современному периоду, так и деревянная застройка этапа заселения территории. Город Облучье и пгт Смидович находятся на переходном этапе, когда существуют предпосылки для повышения уровня качества жилых условий путем отказа от барачной застройки и модернизации индивидуальных жилых объемов, однако средств на это в городе банально нет.

Последним примером, который мы рассмотрим в рамках нашей работы, будет город центральной части ЕАО – Биробиджан. Поселение расположено на Среднеамурской низменности, в предгорьях Буреинского хребта, на реке Бире (левый приток Амура). Историю развития Биробиджана традиционно принято начинать с 1912 года. Именно тогда властным аппаратом принимается решение о заселении пустующей территории вдоль Амурской железной дороги, таким образом появляется станция Тихонькая. При железнодорожной станции в 1928 году образуется рабочий поселок с населением около 700 чел. На территории к этому моменту существует около 240 стихийно разбросанных изб [7].

В ходе полевого исследования (апрель 2019 года) были выявлены массивы частного сектора с уцелевшими срубными жилищами автохтонов (рис. 3–5), которые позволяют реконструировать три стадии развития деревянного индивидуального дома: деревня, слобода, город.

Самый ранний, примитивный вариант избы (рис. 3) – сруб под двускатной крышей, крытой тесом, с защитными фронтонами. Стадия «деревня», найденная в глуши частного сектора в Биробиджане, представляет собой форму протоархитектуры: деревянный сруб под двускатной крышей, крытой тесом, с защитными фронтонами. Подобные жилища характеризуются полным отсутствием декора, так как данный вид индивидуальных домов нужен в первую очередь для физического выживания, минуя любые эстетические интервенции. Точно такие избы можно видеть на фотографиях в Краеведческом музее Биробиджана в экспозиции, посвященной первым переселенцам, осевшим в пос. Смидович и с. Амурзет (Амурское земляное еврейское товарищество).

На рис. 4 представлен сруб-четырёхстенок, перекрытый двускатной шиферной крышей, с прирубом для сеней. Рубка в лапу, углы для изоляции оформлены досками, на окнах – наличники с условно змеиным мотивом и ставни, фронтон со слуховым окном зашит «елочку». Это переходная стадия от жесткого функционализма деревенской избы первых переселенцев к более цивилизованному, слободскому жилью с признаками некоторого комфорта (холодные сени, не дающие выстудиться жилому помещению) и примитивной эстетики (наличники), свидетельствующей о появившихся духовных запросах.

^ Рис. 3. Сохранившиеся без изменения избы на станции Тихонькая (ныне Биробиджан). Стадия «деревня». Фото сделано в апреле 2019 года

^ Рис. 4. Стадия «слобода». Переход от протоархитектуры к народной архитектуре. Биробиджан. Фото сделано в апреле 2019 года

Объемно-пространственная композиция и размеры жилья, заданные модулем бревна, остаются неизменными. Основные различия связаны с декором фасадов, полностью отсутствующим на стадии «деревня» (рис. 3), появляющимся в кустарном исполнении на стадии «слобода» (рис. 4) и приобретающим неожиданные коннотации ар-деко на стадии «город» (рис. 5).

На рис. 5 – более поздний, городской тип индивидуального дома, отличающийся от классической избы-сруба обшивкой досками и элементами архитектурного декора (ромбический узор на лопатках, оформляющих углы дома, геометризированный декор наличников, ставни с филенками). Именно этот тип воспроизводится до сих пор практически без изменения, так как на обшивку сайдингом у местного населения нет средств.

Станция Тихонькая была задумана как место построения «новой еврейской цивилизации» или как еврейско-социалистический советский город. Это решение определялось множеством факторов, главным, пожалуй, было стремление к укреплению границы из-за близости с Японией и Китаем. Следующим фактором было желание Советов улучшить отношения с Западом путем влияния на общественное мнение евреев в Европе и Америке. Кроме того, необходимо было привлечь финансовую поддержку в развивающийся регион Транссиба.

Создавались такие условия, в которых переселение «на землю» расценивалось как гарантия если не процветания, то достатка. Кроме того, меняя место жительства, переселенцы могли избавиться от наиболее острых проявлений антисемитизма [2]. Однако «отправленные так спешно еврейские семьи приехали и ужаснулись условиям. Они были поселены в бараках на станции Тихонькой. Среди барачных жителей... некоторые умудряются получать переселенческий кредит и ссуды, сидя в бараке, и проедают их, даже не выехав на землю. Другие, менее изворотливые, нищенствуют» [8]. В такой ситуации многие семьи возвращались на родину, но большая часть оставалась. Их спасителями оказывались местные жители. Именно они обучали «трудящихся евреев» навыкам местной охоты и рыбалки, сбора дикоросов и технике сельскохозяйственных работ, почти неизвестной жителям штетлов [9].

Первоначальное расселение происходило по возведенным баракам для распределения по области. «Внутри барака построены нары в два этажа. На обоих этажах в невероятной скученности и грязи валяются вповалку десятки чужих между собой людей» [10]. В 1928 году в городе, куда постепенно прибывают все новые поселенцы, начинают создаваться первые предприятия – артели (сапожная, кирпичная, портняжная). В 1930-х годах в город начинают прибывать уже небедные слои еврейского народа, начинают создаваться кустарные предприятия – дерево- и металлообрабатывающие.

В это же время на территорию города прибывают исследовательские бригады Х. Майера (представителя немецкой школы Баухаус) для подготовки генерального плана развития поселения. Первоначальный внешний вид поселения можно отследить из отчета Майера Гипрогору: «Жители поселка предпочли собственные частные дома с маленькими садиками – как в какой-нибудь мелкобуржуазной постановке еврейского театра! Разнокалиберные здания в сочетании с различными методами строительства создают впечатление какой-то случайно устроенной выставки жилищ различных народов мира. Местные стройматериалы: дерево, камыш, солома, глина, песок, гравий, известь и известковый камень – преобразовывались в руке жителя согласно его происхождению в процессе индивидуального или коллективного строительства в блочный дом латышского или белорусского еврея, в беленую глинобитную мазанку украинского еврея или в двухэтажную кирпичную постройку еврея из немецкого рейха [9]. Проект нового социалистического города предполагал размещение там около 50 тыс. чел. к концу третьей пятилетки. Приглашенные архитекторы выстроили ряд предложений и эскизный план будущего поселения, однако в силу политических причин проект, не доведенный до конца, закрывается, в дальнейшем концепции Х. Майера все же были использованы при разработке генерального плана в 1960-х. Для нашего исследования видится важным один из вопросов, поднимаемых австрийскими коллегами, а именно вопрос национального – еврейского – в архитектуре социалистического города.

^ Рис. 5. «Городской» тип индивидуального дома, Биробиджан. Фото сделано в апреле 2019 года

^ Рис. 6. Здание мэрии (Дом Советов), Биробиджан. Архитектор Н. Е. Трахтенберг. 1934. Являлось частью ансамбля, составлявшего по первоначальному проекту шестигранную площадь

Еще во времена первых обследований территории архитекторы школы Баухаус пытались выявить отражение национального колорита на местности и учесть его в дальнейшей работе. Так, Х. Майер писал: «Отражение в архитектуре соцгорода Биробиджана национальных элементов и их сочетания современными формами социалистического города меня сильно интересуют. Над этим вопросом работают, в частности, в одной из секций Комакадемии, в которой я участвую. Гипрогор при планировке, например, среднеазиатских городов учитывает элементы восточного стиля. Но ничего конкретного на заданный вопрос мы еще ответить не можем: вопрос выявлений и сочетаний еврейских национальных элементов в архитектуре совершенно не изучен» [9]. В итоге мы можем сделать вывод о том, что первоначальный внешний вид народной архитектуры города, со времен станции Тихонькая, находится в состоянии хаоса стилей, материалов и индивидуальных эстетик горожан.

На первых этапах развития поселения можно наблюдать архитектурный диссонанс между объектами народного жилья и административно-культурными. Намеченная тенденция к хаотическому расположению от берега Биры жилых территорий переселенцев находится в некой оппозиции с каменными зданиями политической и культурной направленности, оформляющими основные улицы Биробиджана и в наши дни.

Так, в конце 1930-х в центральной части города появляются первые каменные общественные артефакты городской среды в виде Дома Советов (рис. 6), педагогического училища, библиотеки, кинотеатра и Дворца культуры, которые сохранились в пространстве города и сегодня. Характерным примером каменной архитектуры 1930-х годов является здание нового железнодорожного вокзала, построенного на месте старого деревянного (рис. 7). В остальных частях города преобладает деревянная застройка. В 1937 году в границах ул. Ленина возводится множество двухэтажных деревянных жилых домов.

Воспоминания о том периоде отражают внушительный скачок в развитии поселения. Так, В. Финк вспоминает «В день моего приезда я имел случай съездить в Вальдгейм. Помню, год назад при поездке сюда моя лошадь едва не

сломала себе ноги, провалившись в яму. Сейчас между Тихонькой и Вальдгеймом лежит широкая американская дорога, усыпанная гравием. Болото она проскакивает по дамбе, а в тайге идет ровной аллеей. Прошлогодние вальдгеймские домики стали похожи на спичечные коробки, потому что рядом с ними выросли новые дома – коттеджи в шесть квартир, с широкими верандами, с просторными комнатами» [10].

Трудности военного времени сказывались на качестве жилья: люди проживали либо в казенных домах или бараках, не отличавшихся удобствами, либо соорудили своими силами избы и землянки на пригородных территориях. Однако уже в начале послевоенного периода в городе начинает интенсивно развиваться промышленность: с 1946 по 1950 год возводятся обувная, бумажная, ткацкая, кондитерская фабрики. До 1960-х годов бурно развивается экономика.

Архитектурный образ поселения преимущественно сформировался в 1960–1980 годы, в период возведения типового двух- и трехэтажного жилья в центральной части города, по ул. Ленина и ул. Шолом-Алейхема, в сталинском стиле с элементами неоклассицизма (рис. 8). Генеральный план города был разработан только к 1967 году, во времена нового пика индустриальной жилой застройки. Согласно ему, предполагались выходы к берегу Биры и сохранялась усадебная застройка за железной дорогой (район Лукаши). Кроме того, обосновывается важность заселения правого берега реки и возведения двух мостов, соединяющих новые районы с центральным узлом [11].

В последующие годы начинается активная индустриализация поселения, возникают новые промышленные узлы и микрорайоны. Развитие Биробиджана в основном идет по планово-индустриальному типу, индивидуальная жилая застройка в виде образцов народной архитектуры преимущественно формируется на перифериях города, в центральной части за железнодорожными путями, на окраинах ул. Советской, ближе к восточной части города и в относительно новой в освоении отдаленной правобережной части.

Современный этап народной архитектуры Биробиджана в первую очередь характеризуется возведением

> Рис. 7. Железнодорожный вокзал Биробиджана

коттеджей на окраинах города: за железнодорожными путями, на правом берегу Биры, в восточном направлении по ул. Советской и за микрорайоном по ул. Широкой (рис. 9). Подобная архитектура начала массово появляться в городском пространстве в последнее десятилетие.

В заключение суммируем основные результаты нашего полевого исследования (весна – лето 2019 года). Первоначально мы выбрали три населенных пункта автономной области, надеясь найти в массовой застройке архитектурно-планировочные решения, отражающие уникальность этого региона, который в 1930-е годы стал экспериментальным полигоном по созданию новой национальной республики. Изучение поселений ЕАО шло в двух направлениях – пространственно-планировочные решения субурбии (под которыми мы понимаем кварталы частного сектора и барачной застройки, так как эту форму массового расселения невозможно назвать ни полноценным городом, ни традиционной деревней) и архитектура народного жилища. В результате пешеходных обходов были составлены схемы, отражающие локализацию индивидуальной и барачной застройки в планировочных

структурах поселений ЕАО. На основе этих схем можно сделать следующий вывод: по мере развития городской среды и увеличения числа жителей населенные пункты, образованные в одно время как железнодорожные рабочие поселки, отражают определенную эволюционную цепочку, в ходе которой традиционная народная архитектура места (зоны субурбии) вытесняется на периферию и уничтожается в центральной части (между тем именно в историческом центре поселений находятся наиболее важные и выразительные с архитектурной точки зрения объекты).

На основе исторических источников и полевых исследований был проведен анализ планировочных структур населенных пунктов ЕАО. Город Облучье и пгт Смидович рассматривались как поселения, образованные из железнодорожных рабочих поселков Транссиба и выполняющие примерно одну и ту же функцию на современном этапе. Для обоих поселений характерно как сохранение исторической массовой барачной застройки, так и схожее состояние современного жилья в этой же группе. Городское пространство Биробиджана по понятным причинам (статус столицы автономии) имеет свою специфику. Для города характерны несвойственные другим железнодорожным поселкам паттерны развития народной архитектуры.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в народной архитектуре ЕАО отсутствуют какие-либо рецепты еврейской национальной культуры: избы 1920–1950-х годов, составляющие основу жилого фонда ЕАО, эксплуатируют элементы декора, планировки и объемно-пространственной композиции, характерные для русского традиционного жилья.

Барачи, где и сегодня обитает значительное количество местных жителей, – основная единица социалистической системы расселения, при анализе феномена которой можно заметить как влияние градостроительных экспериментов Баухауса, так и воспроизведение традиционной модели российской казармы, служившей главным структурным элементом восточного фронта.

В культурном ландшафте Биробиджана встречаются надписи на идише, современные городские скульптуры, отсылающие к мифологии местечка (рис. 10), символы

> Рис. 9. Планировочная схема Биробиджана

^ Рис. 8. Городской дворец культуры, Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 11. Архитектор К. С. Барташевич. 1963

^ Рис. 10. Скульптурная композиция «Переселенцы». Биробиджан, привокзальная площадь

меноры; главные доминанты духовного пространства города – два здания синагоги. Но в подлинной народной архитектуре отсутствуют паттерны еврейской идентичности. Возможно, именно отсутствие четко артикулированной национальной культурной традиции косвенно послужило провалу проекта ЕАО как попытки создания искусственной еврейской земли обетованной.

Литература

1. Бляхер, Л. Е., Пегин, Н. А. Биробиджан: между «потемкинской деревней» и national-building // *Полития*. – 2011. – № 1(60). – С. 117–134
2. Бляхер, Л. Е. Кто такие «еврейцы», или Опыт культурного синтеза на Амуре // *Идеи и идеалы*. – 2018. – № 4, т. 1. – С. 172–190
3. Блог Усенко М. [Электронный ресурс]. – URL: <http://usenkomaxim.ru/2012/06/14/na-velosipede-po-okrugu-poselka-smidovich> (дата обращения: 02.03.20)
4. Шульман, В., Койфман, Г. Облучье, город железнодорожников [Электронный ресурс]. – URL: http://nasledie-eao.ru/news/Облучье_город_железнодорожников.pdf (дата обращения: 02.03.20)
5. От Солולי до Облучья // Газета «Биробиджан Штерн». – 2013. – 26 июня [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gazetaeao.ru/ot-sololido-obluchya> (дата обращения: 02.03.2020)
6. Меерович, М., Булгакова, Е. Бараки как наиболее массовый тип жилищ в советских промышленных городах-новостройках первых пятилеток // *Проект Байкал*. – 2019. – № 60. – С. 76–89
7. Биробиджану – 70: страницы истории // Официальный портал ЕАО [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eao.ru/archive/obshchestvo/istoriya/arkhivnye-dokumenty-rasskazyvayut-/birobidzhanu-70-stranitsy-istorii/> (дата обращения: 02.03.2020)
8. Мелихов, А. Биробиджан – Земля обетованная. – Москва : Текст, 2009. – 288 с.
9. Бренер, И. Страна Биробиджан. – ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013. – 62 с.
10. Финк, В. Евреи на земле. — Кн. 2: Евреи в тайге. – Москва, 1930. – 126 с.
11. Мылова, Ю. А., Крадин, Н. П. Формирование планировочной структуры новых дальневосточных городов советского периода // *Баландинские чтения*. – 2015. – С. 206–211

References

- Birobidzhanu – 70: stranitsy istorii [Birobidzhan is 70: pages of history]. (2006, December 14). Official portal of the Jewish autonomous region public authorities]. Retrieved March 2, 2020 from <http://www.eao.ru/archive/obshchestvo/istoriya/arkhivnye-dokumenty-rasskazyvayut-/birobidzhanu-70-stranitsy-istorii/>
- Blyakher, L. E. (2018). Kto takie “evreitsy”, ili Opyt kulturnogo sinteza na Amure [Who are the “evreitsy”, or the cultural synthesis on the Amur]. *Idei i idealny*, 4, Vol. 1, 172-190.
- Blyakher, L. E., & Pegin, N. A. (2011). Birobidzhan: mezhdud “potemkinskoi derevnei” i national-building [Birobidzhan: between the “Potemkin village” and the national-building]. *Politiya*, 1(60), 117-134.
- Brenner, I. (2013). Strana Birobidzhan [The land of Birobidzhan]. FGBOU VPO “PGU im. Sholem Aleichema”.
- Fink, B. (1930). Evrei na zemle. Kn. 2: Evrei v taige [The Jewish people on the land. Book 2: The Jewish people in the taiga]. Moscow.
- Meerovich, M., & Bulgakova, E. (2019). Barracks as the main type of mass housing in the Soviet industrial towns constructed during the first five-year plans. *Project Baikal*, 16(60), 76-89. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1478>
- Melikhov, A. (2009). Birobidzhan – Zemlya obetovannaya [Birobidzhan is a land of promise]. Moscow: Text.
- Mylova, Yu., A., & Kradin, N. P. (2015). Formirovanie planirovochnoi struktury novykh dalnevostochnykh gorodov sovetskogo perioda [Formation of the urban fabric of the new Far Eastern cities in the Soviet period]. *Balandinskies chteniya*, 206-211.
- Ot Sololi do Obluchya [From Sololi to Obluchye] (2013, June 26). *Birobidzhan Shtern*. Retrieved March 2, 2020 from <http://www.gazetaeao.ru/ot-sololi-do-obluchya>
- Shulman, V., & Koifman, G. (n.d.). Obluchye, gorod zheleznodorozhnikov [Obluchye, a town of railway workers]. Retrieved March 2, 2020 from http://nasledie-eao.ru/news/Облучье_город_железнодорожников.pdf
- Usenko, M. (2012, June 14). Na velosipede po okrugе poselka Smidovich [Riding on a bicycle around Smidovich settlement]. Retrieved March 2, 2020 from <http://usenkomaxim.ru/2012/06/14/na-velosipede-po-okrugu-poselka-smidovich/>